

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

В мрачные годы фашистской оккупации на территории бывшего Вологовского района нашей области активно действовала подпольная патриотическая группа, возглавляемая коммунистом П. А. Васкиным. Она вела пропагандистско-агитационную работу среди населения, собирала разведывательные данные о вражеской армии.

В «Новгородской правде» уже рассказывалось о деятельности патриотов, их мужестве и отваге. Недавно московский журналист А. Ерохин на основе новых материалов о работе этой группы написал документальную повесть. Ее мы перепечатываем из газеты «Советский патриот».

...Зима 1941 года. Русская деревня Быстрые Берега под Ильменем. Фашисты расстреляли мужа колхозницы Зинаиды Терентьевны Бабиной-Васиной. Набросились на нее

— Где партизаны? Женщина молчала. Ее били. Она молчала. Выволокли на улицу. Поставили к стене вместе с двумя малолетними детьми. Полицейский поднял автомат. Женщина в ужасе закрыла глаза. Раздалась очередь. Потом — тишина. И пьяный смех:

— Попугай! Зинаида Терентьевна посидела в 26 лет.

И вот в 1959 году ей показали человека с бульдожьим лицом. Она ухватилась за сердце, побелевшими губами прошептала:

— Он самый!

Чекисты отыскали след изверга, поднявшего автомат на беззащитную женщину и ее детей. Это был изменник Родины, выученик Бойенбургской фашистской разведывательно-диверсионной школы Николай Фролов. Обезвредить столь опасного преступника — это уже подвиг. Но новгородские чекисты сделали большее. В связи с этим делом они открыли еще одну не известную ранее страницу войны.

Об этом и повесть. В ней нет ни вымышленных имен, ни выдуманных событий.

РЕЗИДЕНТ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Заместитель начальника штаба особого отряда тайной полевой полиции, сокращенно именуемой ГФП, Вольдемар Бромунд привык все делать скрытно. И место для встречи с резидентом ГФП-501 и его агентами он избрал самое неожиданное. Совещание проводилось в разбитом автобусе, что давно стоял возле здания Вологовской управы.

Бромунд начал с общей обстановки на фронтах. Он говорил, что войска фюрера окружили Ленинград. Взяли Киев. Двигутся к Москве. На Волхов вышла шестнадцатая армия. У нее должен быть крепкий тыл. В районе «Корюк-584», где действуют уважаемый резидент Петр Мановский и его агенты, расположены наши крупные части. Здесь находятся 410, 510, 654 и 667-й карательные батальоны, егерская рота, казачья сотня, специальная «ягдкоманда».

Однако, продолжал Бромунд, господин полковник командующий тылом 16-й армии Вернер Пауль Финдаи-зен недоволен деятельностью резидента. Всем, видимо, известна недавняя бомбежка в районе Волота. Русские прилетели в полдень 13 августа. Они бомбили прицельно. Разбили штаб дивизии. Погибло много солдат и офи-

церов. Командир дивизии спасся чудом. Взорван склад боеприпасов. На второй день произведена повторная бомбежка. Бомбы упали именно на те здания, где размещались остатки штаба. Такой налет может быть проведен только на основании самых подробных разведывательных данных. Вольдемар Бромунд изложил задачу военного командования и тайной полевой полиции: прежде всего организовать разветвленную агентурную сеть. Наблюдать за каждым подозрительным. Следить за каждым уходящим из села, за каждым незнакомым человеком. Расстреливать, расстреливать. Действовать совместно с военным комендантом капитаном Гепартом. По имеющимся данным, в районе «Корюк-584» имеется крупная разведывательная организация красных. Нужно напасть на ее след во что бы то ни стало.

Петр Мановский, начальник фашистской управы, вышел из автобуса злым. Нет, не этого он ждал почти четверть века. Революцию он встретил в привилегированном царском полку. Революция рушила все его планы на блестящую военную карьеру, на богатство. И прапорщик Мановский взял в руки винтовку, чтобы сражаться с большевиками.

Большевики разбили под Петроградом его полк. Мановский подался в лес, в зеленую банду. Разгромили и банду. Но к тому времени один верный дружок свел его с германским офицером, что болтался по России под видом вольного коммерсанта. Белый офицер Мановский стал немецким шпионом. Долгие годы он ждал прихода фашистов. И вот это случилось. Петр Мановский является начальником Вологовской управы. Но это только видимость. Он — резидент ГФП. Он ведет тайную войну. Вся власть, кажется,

в его руках. По одному его слову расстреливают людей, сжигают деревни. Но он чувствует, что хозяин здесь не он, а все те же красные. Советские бомбы ложатся точно. Партизаны уничтожают полицейских, занимают деревни, целые районы. «Корюк-584» наводнен советскими листовками. Хорошо разглагольствовать Вольдемару Бромунду! А вот попробуй разыскать этих красных разведчиков.

...Будто утомленный, отдал не далекий фронт. Петру Мановскому идти в управу не хотелось. Резидент свернул к дому. Часовой, мальчишка-полицай, неуемно козырнув, сказал, что его дожидается родственник. Кто же это мог быть? Мановский торопливо поднялся на крыльцо, рванул дверь.

У стола сидел человек в штатском. Он оглянулся. Мановский вздрогнул. Глухо спросил:

— Ты зачем здесь? — Повидаешься захотелось, — говорил тот спокойно, не поднимаясь со стула. — Как-никак, братья... Сколько лет не видались... Да и дельце есть.

На какое-то мгновение чем-то далеким, из детских лет повеяло на Мановского. Что ни говоря, перед ним сидел родной младший брат Колька. Пусть разные, совершенно разные у них судьбы. (Брат Мановского, советский патриот, честный воин и труженик, живет и работает сейчас в соседней области. У него другая фамилия. По вполне понятным причинам мы не называем ее).

— Ну, что же, давай сперва потолкуем, — согласился Мановский. — Подожди, есть кое-что в запасе.

— Наслышан о твоих запасах, — отозвался Николай.

Мановский поставил на стол бутылку водки, закуски. Сел. Молча налил. Не чокаясь, также молча выпили.

— Какое же дело привело тебя ко мне? — Не пора ли одуматься? — старательно избегая слова «брат», сказал Николай. — Я из партизанского отряда...

— Знаю, — бросил Мановский.

— Так вот, командование бригады предлагает тебе купить свою вину. Помоги

партизанам. Это зачтется. — С тем и прислали! — вскопил начальник управы. — Зачтется! Вместо веревки на шею пулю обещаешь! Нет, вам конец! Крышка! Немцы под Москвой. У них — Киев. Они у Ленинграда! Я вместе с ними! Годы ждал, чтобы расправиться с большевиками... — Опомнись! Народ не убьешь! — Убьем! Вырежем! Сожжем!

Мановский подбежал к окну. Рванул его. Крикнул. — Иди сюда!

Николай подошел. Бледность залила его лицо. На дворе у стены лежали трупы. Мужчины, женщины, дети... Их расстреляли, видимо, в полдень: кровь была свежей.

— Чувшь, как пахнут! Не считай! Пятнадцать человек! Пятнадцать! Коммунисты. Комсомольцы. Два пионеры. Так мы поступим со всеми. — Сволочь! — сорвалось у Николая.

— Не сволочи! Война так война! Под корень васкосим. А он мне предлагает грехи замалчивать! Вот так-то!

Мановский подскочил к столу. Плеснул в стакан остатки водки, выпил одним глотком. Не оборачиваясь, сказал, еле сдерживая ярость: — Знаешь, уходи! Уходи!

Рука потянулась к кобуре. Николай спокойно подошел к вешалке, взял картуз. Повернулся. Говорил прямо в лицо: — Уйду! Придут другие. За головой твоей придут. За все ответись!

Шаннул к двери. Мановский шел следом. Николай медленно начал спускаться с крыльца.

— Через задний двор, — крикнул с порога Мановский. Николай повернул влево. Он шел мимо трупов. На спине чувствовал сверлящий взгляд. Шел на оборачиваясь. Билась одна мысль: «Выстрелит в спину или нет?».

Трупы остались позади. Выстрел не раздался. У ка-

литки Николай оглянулся. Мановский стоял на крыльце. В руке у него был пистолет. «Выстрелит сейчас».

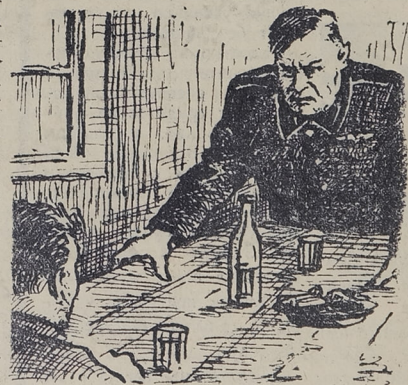
Но Мановский не выстрелил. Ему вдруг стало страшно. Вот к нему, самому начальнику управы, резиденту, спокойно пришел Николай. Ведь он же знал, что идет не к брату, а к врагу. Знал и не побоялся. На это сподобся только тот человек, за которым стоит большая сила. И вот он уходит. Но остается еще тот, неуловимый разведчик, который смотрит за каждым шагом Петра Мановского, каждого фашистского солдата, каждого фашистского офицера...

В калитке Николай посто- ронился. Так сторонятся люди, когда мимо проползает что-то скользкое, гадкое.

В калитку входил заведующий начальной школой в селе Большие Гривы Александр Иванов.

Петр Мановский спускался ему навстречу.

То ли от выпитой водки, то ли от страха, в котором он

не признавал и сам себе, на этот раз Петр Мановский разоткровенничался с Ивановым. Он говорил, что красные забросили на парашютах в район тыла шестнадцатой армии большой отряд разведчиков во главе с генералом. Бомбежка Волота — это по их данным. Гитлеровцы подтягивают силы. Мобилизуется полиция.

— Мы их скрутим в ближайшие дни. Смотрите, откуда идут немецкие части...

Его собеседник слушал, поддакивал и подливал водку.

А. ЕРОХИН.

(Продолжение следует)

В РАЙОНЕ «КОРИК-584»

В Берлине шли бои. Из ворот Бойенбургского фашистского завода поздней апрельской ночью 1945 года выехала черная закрытая машина с погашенными фарами. Она помчалась к горашей столице рейха.

Через четырнадцать лет новгородские чекисты задержали пассажира этой автомашины, выученика Бойенбургской фашистской разведывательно-диверсионной школы Николая Фролова. Он начал служить гитлеровцам еще в 1941 году в так называемом районе «Корюк-584», которым они в штабных картах обозначали район действия в тылу шестнадцатой армии 2-й бригады новгородских партизан. Эта бригада была сформирована в июле 1941 года под Старой Руссой. Командовал ею бывший начальник Дома Красной Армии в Новгороде офицер Н. Р. Васильев, а комиссаром был бывший секретарь райкома партии С. А. Орлов. К осени бригада насчитывала до тысячи человек. Она тесно взаимодействовала с регулярными войсками на этом участке Волховского фронта. 22 ноября 1941 года комиссар бригады С. А. Орлов докладывал Ленинградскому обкому партии:

«Наше партизанское влияние распространяется на многие сотни километров. Мы били врага в районах Дно, Дедовичей, Сошихина, Славковичей, Локни, Чихачева и Порхова... Уничтожены: один генерал, 2 полковника, 4 подполковника, 24 офицера, 5 летчиков, 331 солдат. Пущено под откос 4 эшелона с живой силой и техникой, разгромлены станции Судомы и Плотовец, взорвано и сожжено 24 железнодорожных и шоссежных моста...»

В сентябре и ноябре 1941 года 2-я бригада освободила более трехсот деревень. В тылу у фашистов образовалась партизанская линия обороны протяжением в 180 километров.

Продолжение. Начало см. в № 216.

Фашисты прекрасно понимали, что без хорошо поставленной военной разведки партизанам не удалось бы добиться таких успехов. Было ясно, что партизанская разведка предоставляла очень ценные данные и действующей Советской Армии. Поэтому и фашистские воинские части, и секретные агенты резидента «ГФП-501», и полиция были брошены на то, чтобы любыми способами отыскать следы советских разведчиков.

С этой целью в Волот к капитану Гепарту и начальнику немецко-фашистской управы были вызваны все старосты и урядники. Гепарт лично проинструктировал их.

Быстрее всех откликнулся на секретные наставления староста Егоров из Должино. Он примчался в Волот испуганный. Протянул Мановскому листовку. Тот прочитал:

«Дорогие товарищи колхозники, колхозницы и интеллигенция!

Фашистам временно удалось захватить нашу землю. В оккупированных селах враги пытаются завести свои фашистские порядки. Прячьте хлеб, подальше, чтобы он не попал фашистам в лапы.

По деревням немецкие грабители отбирают колхозный скот. Ничего не давайте фашистам! Угоняйте скот в леса.

Вместе с фашистами приехали кулаки. Они приехали за тем, чтобы грабить колхозное имущество. Ничего не давайте кулакам!

Товарищи колхозники, организуйтесь на борьбу с фашистами и их агентами — предателями и изменниками Родины. Создавайте партизанские отряды, взрывайте и жгите мосты на дорогах, рвите телефонную и телеграфную связь, пускайте под откос воинские поезда, бейте фашистов всем, чем попало. Будьте уверены в победе советского народа!»

— Где взял?

— Да у моего дома учительник сын подобрал. Принес, говорит, дядя, посмотри,

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

может, какую важную бумагу потеряли.

— Ну, а ты?

— Спрашиваю, читал или нет? Не читал, говорит, бумага, может, секретная.

— Что это за учительница?

— Из нашей школы, Нина Павловна Васильева.

— Как ведет себя?

— Вне всяких подозрений. Бедствует сильно. Интеллигенция вшивая. Мишка-то побирается ходит.

Возвращаясь из Волота, староста встретил за околней сыну учительницы тринадцатилетнего Мишу. Он был в рваной одежке, с сумкой.

— Куда собрался?

Парнишка часто заморгал глазенками, покраснел:

— Милостыню собирать, дяденька.

— Привыкай! Это тебе не за маминой спиной сидеть. Кончилишь ваши легкие хлеба.

Мальчишка шмыгнул носом, попросил:

— Дядя, я пойду, а то скоро стемнеет.

— Ну, черт с тобой.

Миша бросился со всех ног к березкам, что стояли у дороги, к соседней деревне.

У березок он остановился. Выглянул из-за ветвей. Василия Егорова уже не было видно. Заглянул в сумку. Все цело. В сторонке раздался тихий свист. Мальчик ответил. Показался мужичок.

У мальчика загорелись глаза.

— Все, что было приказано, мы выполнили. Вот берите три пистолета немец-

ких. Тетя Таня передает письмо. А вот и записка мамы.

— Хорошо, Миша! Молодец! Передай матери вот этот пакет. Понимаешь, фашистам он не должен достаться, ни в коем случае.

— Понимаю, дядя. Не впервой.

— Умница. Будь осторожен. Привет маме и всем нашим. А теперь — давай сумку.

Мальчик подал свою котомочку. Мужичина достал из вещевого мешка буханку хлеба, кусок сала, сахар. Все бережно переложил в котомку мальчика.

— А меня староста встретил, — сказал Миша.

Связной насторожился:

— Что же ты ему сказал?

— Иду побираться. Он и поверил.

— Ну, пусть думает, что напросил ты немало кусков, — сказал мужичина, подавая сумку. — На следующий раз твоим паролем будет «Родина».

— Хорошо, дядя!

Когда совсем стемнело, староста заметил побирающую, учительничью сына. Он шел медленно, еле передвигая ноги. За худенькими плечами болталась сумка.

Дома Мишу с тревогой ждала мать. Она бросилась к нему:

— Живой, родимый! Ну, рассказывай...

— Все в порядке, мама! Задание выполнено...

Нина Павловна взглянула на сына. Как он повзрослел и возмужал за эти тревожные месяцы! Теперь перед ней стоял не мальчиш-

фашистов под шифром «Корюк-584». Они были вместе с советскими людьми.

И в то время, когда фашисты и их пособники мобилизовали на поимку советских разведчиков все свои силы, на стол секретаря обкома партии в осажденном Ленинграде тов. Бумагина лег «Доклад № 3» о деятельности советских патриотов в районе «Корюк-584». Цитируем его по подлиннику:

«...За период с 1 декабря 1941 г. по 10 января 1942 г. проделана следующая работа:

1. Организована еще одна подпольная организация в Крутецком сельсовете Дновского района, в состав которой входит 5 человек. Руководитель этой организации Климов Алексей. Кроме того, увеличен состав членов подпольной организации за счет патриотов Родины на 5 человек в Должинской... Список подпольщиков прилагаю.

2. Членами подпольной организации распространено среди населения агитлитературы:

а) Докладов с 24-й годовщине Октябрьской революции — свыше 300;

б) Листовок к красноармейцам, находящимся в германском плену, — около 200;

в) Листовок к красноармейцам, находящимся в германском тылу, — около 400;

г) Листовок «Как немцы вербуют военнопленных красноармейцев в шпионы» — около 400;

д) Листовок «Разгром немцев под Москвой» — около 100;

е) «Вести с Родины» — свыше 200 экз. Регулярный выпуск с 26 ноября по 6 декабря 1941 г. включительно. Всего распространено свыше 2.000 экземпляров.

3. Проведены собрания и доклады, посвященные 24-й годовщине Октября, в 40 населенных пунктах. На них присутствовало около 1.000

человек. Молодежь праздновала праздник Октября в селах Должино, Геродцы, Хотяжи, Борок, Раглицы, Устицы и других. Они собирались на вечеринки, пели революционные песни...

4. Все поступавшие материалы по разведке, как-то: продвижение немцев, род вооружения, количественное состояние, численность немцев, расположение складов, аэродромов и т. д., лично передаю в штаб бригады или обкома (штаб партизан) комбригу Васильеву и комиссару Орлову. С этим штабом партизанского движения я крепко связан в работе...

Не случайно фашисты все усиленнее искали нити этой тайной организации. На помощь Мановскому был вызван карательный отряд Шпицке и со станции Дно в Волоотово — сам зондерфюрер Краузе. Последний при встрече с Мановским и начальником полиции Молотковым сказал:

— Ну, господа, начинаем... А. ЕРОХИН.

(Продолжение следует).

Зам. редактора И. М. МАЛЫШЕВ.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ВОЗМЕЗДИЕ

Начальник генеральной штаба сухопутных войск фашистской Германии Гальдер вел дневник с первых же минут войны. В декабре 1941 г. все чаще и чаще он свои записи начинал со слов: «Опять тяжелый день!». 21 декабря он записал:

«На фронте группы «Север» противник выклинился в оборону на стыке 16-й и 18-й армий». 30 декабря он снова вывел: «Опять тяжелый день» и добавил: «Началось контраступление в полосе прорыва противника на Волховском участке фронта. Настроение беспокойное».

Беспокойное настроение овладело и Гепартом, и паном Шпицке, и зондерфюрером Краузе в районе «Корюк-584». Они принимали самые отчаянные меры для поимки красных разведчиков. В Должино выехал сам начальник полиции Молотков. Он остановился у старосты Егорова.

В соседнем доме встречали Новый год.

На столе мирно шумел самовар. Аппетитно дымались чашки с чаем. Стояло несколько бутылок. Вокруг тарелки с незатейливой по военному времени снедью.

Продолжение. Начало см. в №№ 216 и 217.

Собралась компания приятелей встретить Новый год.

Об этой вечеринке в самом центре района «Корюк-584» рассказано в следующем документе:

«Протокол заседания подпольного агитационного и разведывательного совета по Волотовскому району. 30.XII-41 г.

Присутствовали... Повестка дня:

1. Оргвопрос.

2. Перевод подпольной организации на военное положение.

Слушали: 1. Информацию руководителя по первому вопросу.

Постановили: Утвердить подпольно-организационный совет из семи человек...

Слушали: 2. О переводе подпольной, организационной группы на военное положение. Информирует председатель, который разъясняет цели и задачи подпольной группы, в частности, расстановку контрольных постов для наблюдения за движением немецких войск, нахождением складов, отношением немцев к населению и т. д.

Поручить отдельным товарищам участия для разведывательной и агитационной работы: Василию — разъезд Мяково и территорию Дергачевского сельсовета. Елисею — по Глухорущинскому и Крутецкому сельсоветам, Надежде — Горидский

и Взглядский сельсоветы, Александру — Должинский сельсовет и ст. Морино, Саше — ст. Волот».

За столом все встали. Приглушенно прозвучали слова присяги.

С вечеринки все разошлись поздно ночью. На столе мирно остывал самовар.

Утром староста села Должино встретил на улице учительницу Татьяну Ефремову. Красивая, стройная девушка шла, не замечая Василия Егорова.

— Ты куда это так вырядилась?

— А тебе какое дело?

— Ну ты, потише! А то не так заешь!

— Попробуй только палец на меня подними. Курт тебе такое задаст! Я как раз и еду в Дно встретить с ним Новый год.

Курта староста не знал. Но в селе говорят, что Татьяну часто видят в компании фашистских офицеров. Вот и сейчас, наверное, спешит к ним. Нет, с ней надо пока быть вежливым. Сказал, скрывая злость:

— Увидишь моего соседа, старосту Дементьева, — передавай привет.

— Увижу, передам! — будто отрезала девушка.

Староста Дементьев делал большую карьеру. Его назначили начальником вспомогательной полиции. Сам Вольдемар Бромунд прислал ему секретного агента в заместители. Агента определили на должность уполномо-

ченного по заготовке хлеба (был и такой у фашистов). Он разрезает по деревням и плетет свою невидимую сеть, в которую должны попасть все недовольные фюрером. А самого Дементьева только что вчера вызывал Бромунд. Дал фотокарточку командира партизанской бригады Васильева, сказал: «Запомни, должен появиться в ваших краях. За поимку — большая награда». Неплохо бы ее хотя бы авансом обмыть. Но в доме ни капли самогону.

Кто-то стукнул в окно. Дементьев, не зажигая огня, выглянул. Стоит какая-то по-городскому одетая женщина. Открыл дверь, зажгел лампу. Та сразу татараторила:

— Наконец-то я вас отыскала, дорогой дядюшка. Зазнались, зазнались при своей большой власти. Шлю вам привет все родственники. Особый привет от Василия Егорова.

Дементьев никак не мог припомнить родственников, о которых говорила молодка. А та уже сбросила свою городскую шубку, шляпку, поставила на стол полную бутылку, разложила много снедь: сало, мороженое мясо.

— Не побрезгуйте, дядюшка, нашим скромным угощением!

Староста потянул воздух. Со знанием дела определил: спирт. А молодка уже поддвигала стакан.

— Чего же себе-то не наливаешь?

— Да непривычна я, дядюшка, к этому питью. Вот спешу к своему ухажору на станцию Дно. Курт угостит красненьким вином.

Дементьев пил спирт неразведенным. Опрокинул стакан, не переводя дыхания, запил ледяной водой. Крякнул, закусывая, говорил:

— С немцем, значит, спозналась? Хорошо. Одобряю. Большая у них сила. Я тоже не лыком шит. В чести у них.

Дементьев хмелел быстро. Похвально, что он скоро схватит самого Васильева. За это будет большая награда. Достал фотокарточку Васильева. Сказал, что ему, Дементьеву, известен даже пароль, с которым он может перейти фронт в распоряжении любой воинской части. Ведь Дементьев не просто какой-нибудь староста, вроде этого Васки Егорова. Ему, Дементьеву, доверяет сам Бромунд. А Петр Мановский выделил в подкрепление умнейшего человека. Он долго жил у самого Мановского. Обратился даже к высшему немецкому начальству с предложением создать особую фашистскую партию у нас в России. В нее войдут лишь зажиточные мужики, дворяне. Написал даже устав такой партии. Но немцы пока решили подождать с этой партией. А вот Дементьеву во всем доверят. И фотокарточку самого главного партизанского командира дали. Ожидают, что сам Васильев скоро здесь появится. Тут сто и схватят. И пароль тайной полиции Дементьеву известен.

— Да хватит вам, дядюшка, своими мужскими разговорами забивать мне голову... — Что не веришь? Хошь, шенну? Только на ушко. Утром в избе Дементьева раздался дикий рев. Прибежали соседи. Староста катался по полу, был поволчий, иступленно. — Где мои глаза! Отдай мне глаза... — А через несколько дней бешеная ругань раздалась и в кабинете Бромунда: — Кто перешел ланию фронтом с нашим паролем?

Кто?.. Мы никого не посылали...

4 января 1942 года в штаб партизанского движения Ленинградской области поступило следующее сообщение из района Волота:

«...По разведке проделано следующее: на станции Волот находится постоянно 70—80 человек, имеется 10 пулеметов, зенитных батарей не имеется.

На разъезде Мяково охрана постоянная в 15—20 человек. Со станции Волот до разъезда Мяково дорога железнодорожная охраняется очень слабо...

В деревне Должино есть урядник Еремеев Алексей. Его необходимо убрать — сволочь. На станции Дно четверо немцев изнасиловали молодую девушку. Население возмущено. Напишите в листовке...

У людей, которые предались Советской власти, создается недовольство тем, что прилетают наши самолеты и бомбят с громадной высоты, в частности, разъезд Мяково, где совершенно безопасно можно спуститься ниже. Зато все радовались, когда в Дно в декабре бомба попала в бывший магазин «Спайка», где жили гитлеровцы, и три дня оттуда возили то, что осталось от фашистов... Гитлеровцам стало известно, что в районе Волота должен появиться товарищ Васильев».

Секретарь обкома партии тут же передал все эти данные командованию фронта и партизан. Авиация немедленно нанесла удар по этим объектам.

Фашистская разведка, полиция сбились с ног. А староста Дементьев все кричал и кричал:

— Отдайте мои глаза. Приведите племяннику...

А. ЕРОХИН.

(Продолжение следует).

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ПАТРИОТ ВСЕГДА НА ПОСТУ

— Какая племянница? — рассердился Бромунд, когда ему доложили, что Дементьев ослеп и все вспоминает какую-то молодку.

— Да та, что была у него накануне Нового года. Шла к своему Курту на станцию Дно.

— Отчего ослеп Дементьев?

— Выпил древесного спирта.

— Олухи! — кричал Бромунд. — Ищите эту племянницу теперь по ту сторону фронта или у партизан. Расспросите у Дементьева, откуда она к нему пришла. Это дело рук все тех же разведчиков.

Именно так думал обо всем случившемся и резидент Петр Мановский. По секрету он сообщил об этом своему приятелю — директору школы из деревни Большие Гривы Александру Иванову:

— Начинаем очистку района от коммунистов, комсомольцев, всех сочувствующих красным. Ищем следы разведчиков.

Верные люди сообщили Михаилу Тимофеевичу Тихову, что ему надо немедленно уходить. Михаил Тимофеевич молча выслушал посланца и ничего не ответил. Может, потому, что в это время к нему зашло несколько женщин:

— Как будем отмечать Новый год, Михаил Тимофеевич?

Он улыбнулся:

— А вы как думаете?

— Как укажет Советская власть. Вы же у нас председатель.

— Раз председатель, то и приказываю отменить по советски, как положено в военное время. Соберем верных людей, обсудим, что нам делать. У меня должен побывать знающий человек. Он принесет нам все новости. Молодежь пусть повеселится.

В деревне Верхново жил фашистский староста. Но население признавало лишь Михаила Тимофеевича Тихова, бывшего председателя Старского сельского Совета. Местный житель, с красивым, истинно русским лицом, с густыми усами, он был всегда спокоен, рассудителен. И в эти трудные дни люди охотно шли к нему.

Когда над Волотовским районом нависла угроза фашистской оккупации, коммуниста Тихова вызвали в райком партии:

— Что думаешь делать?

Над этим он раздумывал и сам бессонными ночами под грохот канонады приближающегося фронта. Конечно, можно уйти в партизанский отряд. Можно и эвакуироваться: Михаил Тимофеевич невоеннообязанный. Но и так, и этак выходит, что он покидает свой пост. Ведь Советская власть в леса не уходит и не эвакуируется. И вот в самые тяжелые дни председатель сельсовета покинет своих избирателей, советских граждан. Нет, надо оставаться до последней возможности. А если схватят? Тогда — смерть. Но, во-первых, сразу не схватят, во-

вторых, рядом партизаны. А в-третьих, его присутствие покажет односельчанам: Советская власть стоит крепко.

И Михаил Тимофеевич остался. Староста боялся его и не трогал. Население выполняло все распоряжения Тихова. Даже сельсоветская печать была при нем, велась официальная переписка. Партизаны часто приходили к Тихову и принесли от командования официальные отношения с просьбой сделать то-то и то-то. И эти официальные бумаги звучали прямо-таки торжественно. Они говорили о нашей силе, о том, что Советская власть неистребима, как и народ.

И вот советуют: уходи! Но как он может уйти? Вот перед ним лежит приказ руководителя подполья:

«Даю тебе новое задание в связи с перестройкой нашей работы.

Наша работа должна заключаться не только в агитационной, но и разведывательной. Этими вопросами интересуется командование Красной Армии, а именно;

1. Расположение немцев (деревни), количество — примерно, их род вооружения, охрана и т. п.

2. Расположение складов и как охраняются эти склады (зенитные батареи, артиллерия и другая военная техника).

3. В каком направлении продвигаются немцы, что за род войск продвигается, сколько орудий, танков, автомашин.

4. Расположение аэродромов, какое количество на этом аэродроме садится самолетов.

5. Количество силей банды (немецкой полиции)».

Старый солдат Тихов прекрасно понимал, что это была боевая задача. Он обязан во что бы то ни стало ее выполнить. Жена Анна Сидоровна сердцем чувствовала, что муж связан с подпольем, — не таков ее Михаил, чтобы отсиживаться. Будто случайно, Анна Сидоровна сообщила:

— В Юшкове гитлеровцы убили Финогена Завьялова.

Михаил Тимофеевич побледнел. Он хорошо знал этого спокойного, всегда уравновешенного человека. Знал он и то, что Финоген был связан с партизанами. Совсем недавно в его избе ночью остановилась группа партизан. Им потребовалась лошадь. Как председатель сельсовета Финоген приказал одному из колхозников отдать лошадь. Распоряжения Завьялова выполнялись

так же неукоснительно, как и указания Тихова. И вот его нет.

Анна Сидоровна рассказывала:

— Взяли Финогена прямо дома. Полицией выстрелил на улице, пуля попала в живот. Финоген бросился в избу. Вскочил на печь. Но его стащили и добили на улице.

Михаил Тимофеевич слушал молча. Что он мог сказать своей жене, чем он мог ее успокоить? Ночью, когда семья спала, Михаил Тимофеевич торопливо писал:

«Отвечаю на все ваши вопросы:

1. В Верхново нет немецкой полиции, кроме тех, полицейских, которые приезжают из Волота. Охраны, т. е. постов, нигде нет.

2. Движение немцев сейчас происходит от Руссы по большой дороге на Порхов. Род оружия — винтовки, автоматы и больше нет ничего.

В дер. Сутоки стоит 50 человек, в Давыдове — 50 человек, в Лужках — 25, в Мелочееве намечено 200 человек, в Старорусском районе стоят в дер. Чудиново 150 чел., в дер. Дуброво стоит штаб (это было 26 —

27/XII—41 г.) и много стоит во Взглядах, Горках, Михалкове — больше на машинах.

Полиция вооружена только винтовками, гранаты стали появляться, а раньше не было...».

Не успел он закончить донесение, как в окно постучали. Два продолжительных, один короткий. Свои... Михаил Тимофеевич вышел. Передал пакет. Голос из темноты сказал:

— Арестовали Немкова!

Это был страшный удар. Михаил Тимофеевич знал, что Александр Немков являлся членом совета подпольной организации, он знает так много.

Выдержит ли он пытки фашистов?

А. ЕРОХИН.

(Продолжение следует).

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Михаил Тимофеевич Тихов не зря беспокоился за судьбу подпольной организации, когда узнал об аресте Александра Немкова. Его товарищ попал в руки свирепого врага. Вот как рассказывается в деле фашистского шпиона Николая Фролова о зверствах гитлеровцев:

Свидетельница Зоя Михайловна Руфова, 1924 года рождения:

«По заданию я ездил с одним партизаном в Миньково, чтобы узнать, сколько там немцев и как охраняется склад боеприпасов в лесу около деревни. Об этом кто-то донес. К нам в деревню нагрянули гитлеровцы. Втащили меня в избу, раздели, привязали к скамейке. Согнали соседей. Били плетью, с колочей проволокой на конце. Я кричала, до кости изгрызала себе руку от боли, пока не потеряла сознание. Гитлеровцы думали, что я уже мертва...».

Из показаний Фролова:

«В Реченском сельсовете в течение ночи мы держали связанным колочей проволокой председателя колхоза на морозе. Утром его растерзали».

«Примерно в конце января 1942 года был арестован и избит в деревне Переходы, а потом расстрелян председатель артели Отрядов, а также кладовщик по имени Прокофьев», — из показаний свидетеля Щелкова.

«Гражданина Агапова-Агаманова из деревни Мишутин фашисты арестовали за связь с партизанами. От пыток он умер», — из справки сельсовета...».

Так шла война по ту сторону фронта. И в ходе этой войны враг нащупал одного из руководителей волотовского подполья.

Петр Мановский буквально влетел в кабинет Гепарта:

— Господин капитан, след красного разведчика обнаружен!

— Так берите его немедленно.

Резидент поправился: — Вернее, обнаружен след одного из его подчиненных.

— Это все равно. Хватайте подчиненного. У нас и камини заговорят!

В Должино арестовывать Александра Немкова приехал целый отряд. Староста, узнав об этом, и обрадовался, и испугался:

— Брать его надо осторожно. Это первый силач на селе. Уйдет — всем нам не добровольно.

— Не уйдет!

— Как сказать, у него ведь связи огромные. Мы подслушали, как он беседовал со своим подпольным генералом.

— Как же это вам удалось?

— За Немковым следим давно. Урядник залез тайком к нему на чердак. Через трубу все слышно. Урядник лежал всю ночь.

— Ну и что же?

— Ночью пришел этот самый генерал. Немков сообщил ему, что стягиваются войска.

— Да откуда же он все знает?

— Немков — монтер телефонной связи. Он ходит по линии. Наверняка подслушивает.

— Все ясно! Пошли!

— Осторожнее только! А если возьмете его, то сделайте ему паут. Иначе нам будет крышка.

Гитлеровцы окружили избу Александра Немкова. Один из них незаметно подглядывал в окно. Александр только что возвратился с линии. Он отшагал не один десяток километров. Но что это для двадцативосьмилетнего парня, который с детства привык и к труду и к дальним походам!

Дома никого не было. Александру хотелось есть. Он открыл печь, начал раздувать огонь. Тут и ворва-

лись к нему гитлеровцы. Несколько человек надели на него сзади. Пытались скрутить руки. Он выпрямился. Двинул плечами. Двое упали. Александр отбивался ногами, грыз фашистов зубами. Они отлетали от него. Кровью были измазаны все стены, печь, пол.

Его скрутили после долгой схватки. Кто-то из полицейских прикладом выбил ему зубы. Он их выплюнул в лицо начальнику полиции:

— Сволочи!

В Волоте его допрашивали специально прибывшие из города Дно эсэсовский офицер Краузе и военный комендант Гепарт. Начали с нехитрой уловки:

— Какой молодой! Красивый. Сильный... Здорово потрепал наших.

— Мало! — услышали гитлеровцы в ответ.

— Будешь жить, если расскажешь о своих сообщниках, о генерале-разведчике.

— Как же, ждите!

— Коммунист!

— К сожалению, нет...

Эсэсовский офицер Краузе слыл жестоким даже среди самых изощренных гестаповцев. Специалистом по этой части был и капитан Гепарт. Александра Немкова били в лицо, по голове кулаками, по плечам, по рукам, по ногам. Ему переломали руки, содрали с пальцев ногти...

В конце января 1942 года А. Немкова вместе с двумя арестованными вывели из фашистской комендатуры. Лютовал мороз. Немков шел босой, полураздетый, со скрученными руками. На его теле не было живого места. Но он шел твердо, не спеша. Спускаясь с крыльца и поравнявшись с начальником полиции, Немков бросил ему в лицо:

— Ценята. Ваш фашистский капитан думал что-нибудь от меня добиться! Не на таких напал. А вот уж наши с вами рассчитаются.

— Иди быстрее!

— Мне спешить некуда.

— Расскажи все и будешь жить, — сделал еще

одну попытку фашистский офицер.

— В самом деле?

— Совершенно точно.

— Тогда скажу правду.

Повесят вас всех сволочей вместе с вашим полоумным фюрером...

Арестованных повели через переезд по дороге к деревне Хотьжи.

Раздалось несколько выстрелов. Двое товарищей Немкова упали замертво. Широкий в плечах, высокий Александр стоял, слегка покачиваясь. Казалось, что ноги его вросли в землю, в русскую родную землю. Глаза горели ненавистью. И под дулами винтовок, безоружный, он был страшен для врага, настоящий новгородский богатырь.

Солдаты и полиция торопливо стреляли. Пять пуль прошли тело Александра Немкова. А он все стоял. К нему подскочил начальник полиции и из пистолета в упор выстрелил в голову...

Так погиб двадцативосьмилетний монтер Должанского отделения связи Алек-

сандр Иванович Немков. Однако путь был закрыт. Но солдат везде остается солдатом. Нашлась и Петру Рыжему (так за незнакомством фамилии прозвали его в деревне за огненный цвет волос) боевая работа. Он оказался прекрасным оружейным мастером. И к нему несли подпольщики найденное на поле боя оружие. Он исправлял пистолеты, винтовки, автоматы всех систем, и потом их переправлял к партизанам, которые так нуждались в оружии.

Петр жил недалеко, и Татьяна часто встречалась с ним. Сперва это были лишь деловые встречи. Потом она стала отыскивать любой предлог, чтобы повидеться с этим милым, веселым парнем.

Пусть вокруг были враги. Пусть по твоим бесчисленным дорогам, родная земля, ходила смерть. Но каждый день поднималось солнце. Каждую ночь в вышине мерцали звезды и горячо бились молодые сердца. И стал Петр для комсомолки Татьяны и ее светлой юностью, и на-

деждой на хорошее будущее, надеждой на счастье, за которое они вместе сражались. Сколько было сказано ими теплых, сердечных слов друг другу! Как мечтались им в те трудные дни! Ведь на ветру огонь всегда горит ярче. А их жизнь была опалена огнем войны. И вот нет Петра, верного друга, храброго

солдата. Но Татьяне не удалось даже всплакнуть. Прибежал Миша Васильев. Сказал:

— Григорий ходил в полицию. Отсутствовал дома три дня. Возвратился с лошастью, которую ему подарили в полиции. Руководителем подполья приказано сжечь его дом...

Татьяна ахнула. Неужели к ним в организацию проникла измена? Необходимо было проверить. Надо спешить.

Татьяна ночью отправилась из Должины в Волот. У Волота ее оклинули:

— Кто идет?

— Свой.

— Проверим...

А. ЕРОХИН.

(Продолжение следует).

сандр Иванович Немков. Никакие пытки, ни сама смерть не смогли сломить его волю, верность Родине.

..Когда Татьяна Ефремова вернулась с выполнения боевого задания, отец сказал ей:

— Петьку застрелили!

— Да ну?! — девушка схватила за сердце, побледнела.

— Мучили?

— Чего же еще ждате от извергов! Били. Ничего не сказали.

Кто и откуда родом был Петр, в селе не знали. В июле местная крестьянка подобрала раненого советского воина на ржаном поле. Тяжело поправлялся раненый, назвавшийся Петром. Он все рвался за линию фронта, туда, к своим,

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

КОГДА СТРЕЛЯЮТ МЕРТВЫЕ

Один из членов подпольной военно-разведывательной организации устроился на работу в полицию. Он сообщил Татьяне, что фашисты замысливают крупную карательную операцию, предупредил ее о том, что враг напал и на след организации.

«Надо немедленно сообщить об этом», — это была первая мысль Татьяны.

О себе она не думала. От связанного к связанному по невидимому фронту шли к руководителю подполья сообщения о том, что втай-

(Продолжение. Начало в №№ 216, 217, 218, 220, 222).

роста. — Партизанка! Разведчица!

Страшный удар прикладом свалил Татьяну. Гитлеровцы бросились на нее, Били сапогами, топтали каблуками, рвали волосы. С пола ее подняли обезображенной. Прежними остались лишь

глаза: большие, налитые ненавистью к врагу.

— Прощайте! — сказала она родным.

Михаила Тимофеевича Тихова везли в Волот избитым до полусмерти. Он лежал недвижимый на передних санях. Следом шли сани со всем имуществом Тиховых: гитлеровцы обрели на голодную смерть всю семью. На санях сидел его сын. Кровь отца оставляла след за полозьями. По этому следу и ехали...

Связанными на одних санях везли Нину Павловну Васильеву и ее тринадцатилетнего Мишу.

Заключенных, а их было свыше 40 человек, заперли в арестном отделении полиции. На допрос водили в здание военной комендатуры. Допрашивали Краузе и

Гепарта, избивали эсэсовцы из отряда пана Шпицке, полицаи. С допроса людей приносили на окровавленной дорожке.

С особой злобой терзали Татьяну. Девушка завела обширные знакомства среди немецких офицеров. Напившись, те выбалтывали много секретного. Татьяну пытали несколько раз. Она молчала. Только в камере раскрыла запечатанные губы: «Лишь бы наши успели».

На глазах матери пытали Мишу. Мать отводила глаза, чтобы не видеть его страданий. На глазах Миши пытали мать...

Несколько мужчин назвали руководителями организации. Они пытались облегчить участь товарищей.

Петр Мановский побагровел, когда узнал, что одним из руководителей подпольной организации был директор школы Александр Иванов.

— Так он же дневал и ночевал у меня!

— С чем и поздравляю, господин Мановский! Лучший способ информировать партизан трудно придумать, — съязвил Краузе.

Александра Иванова «допрашивал» собственноручно резидент Мановский. Не его раскаленным железом. Хлестал плетью...

Умирали герои так. Было ясное холодное утро 4 февраля 1942 года. Жена Тихова, Анна Сидоровна, приехала в Волот. Пошла к зданию полиции, чтобы узнать

о судьбе мужа. Навстречу из арестного отделения вывели пятерых. Все они были избиты, в нижних рубашках, босые.

— Миша! — тихо вскрикнула Анна Сидоровна и повалилась в снег. Михаил Тимофеевич прошел, не заметив жены. Он уже ничего не слышал и не видел, истерзанной врагом. Арестованных завели за здание МТС. Раздались выстрелы.

Нина Павловна и ее первенец Миша на расстрел шли обнявшись. Когда их поставили к стенке, мать попросила:

— Убейте сперва меня. Не могу видеть...

— Мамошка, кого ты просяшь! Ведь это же изверги!

Гитлеровец выстрелил в Мишу. Он упал грудью вперед на родную землю. Так падают бойцы в атаке. Затем убили мать. Они лежали рядом. Казалось, сама смерть не могла различить их...

В тот страшный день в Волоте гитлеровцы расстреляли двадцать три советских патриота. Разные были у них судьбы, разный был у них возраст. Но все они любили Родину, все встретили смерть героями. И уборщица школы Е. А. Калинина, и работник связи А. И. Иванова, и директор школы А. И. Иванов, и учительница Н. И. Козина, и колхозницы А. С. Слепцова и А. К. Занина, и колхозник И. Р. Руфиков, и бригадир М. А. Алексеев... Выполнилась дьявольская директива фюрера: «Мы обя-

заны истреблять население... Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы... Нам придется развить технику истребления людей»...

Татьяну поставили лицом к стенке перед расстрелом. Она повернулась к солдатам:

— Что, боитесь?! Русские умирают с открытыми глазами. Все равно наши отомстят!

И наши отомстили. Утром 4 февраля враг учинил жестокую расправу над членами подпольной организации в Волоте. А в ночь с 4 на 5 февраля вышли на боевую операцию партизаны 2-й бригады. Они располагали самыми точными сведениями о противнике. Эти сведения им успели передать Татьяна и ее друзья.

Партизаны подошли к большому селу Ясски, окружили его. Взвилась ракета. Ударили пулеметы. Заговорили винтовки и автоматы. В избы полетели гранаты. Вражеский гарнизон был полностью истреблен. Гитлеровцы оставили на снегу сто шестьдесят пять трупов. В эту победу внесли свой вклад и разведчики подпольной организации. И мертвые, они будто стреляли во врага вместе со своими друзьями-партизанами.

А вскоре лицом к лицу встретился с «черным генералом» и сам пан Шпицке. Произошло это так...

(Окончание следует).

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ГЕНЕРАЛ В ЧЕРНОМ

В начале февраля 1942 года гитлеровское командование группы «Север» приняло вторую попытку уничтожить партизан. В район «Корюк-584» спешно, в строгой тайне стягивались карательные страды, всевозможные особые батальоны, полицейские. Разведывательная подпольная организация, своевременно сообщила о замысле врага. 17 февраля командование бригады получило от руководителя подполья, которого немцы считали уничтоженным, подробное донесение о расположении сил противника. Партизаны решили упредить удар. В ночь с 21 на 22 февраля они разгромили вражеский гарнизон в районном центре Дедовичи. Был разрушен железнодорожный узел, взорван склад с боеприпасами, мост через реку Шелонь. Партизаны истребили свыше 600 гитлеровцев.

В ту ночь карательный отряд пана Шпицке спокойно расположился в деревне Тюрисво. Стрельба в Дедовичах сюда не долетала, и часовой спокойно стоял на посту. Вдруг он увидел подъезжающую подводу. Заметив на руках белые чепчики — отличительный знак полицейских, часовой успокоился. Тем более, что знакомые совершенно правильно назвали пароль.

— Где расположился пан Шпицке? — спросили сني.
— Вон в той избе!

Это были последние слова часового.

А вскоре в избу пана Шпицке полетели гранаты. Заговорили автоматы и пулеметы. Пан Шпицке в нижнем белье бросился к окну. Последнее, что он увидел, был человек в черном полушубке, поднявшийся для броска гранаты. «Черный генерал», — промелькнула мысль.

Операция по уничтожению карательного отряда пана Шпицке заняла всего один час. Партизаны узнали у пленных пароль, бесшумно проникли в село, атаковали внезапно. Было уничтожено более 300 фашистов, взят в плен 41. Под утро из Тюрискова вышел сбоз в 63 подводы. Везли трофеи.

Пан Шпицке был типичным прусским офицером, оголтелым гитлеровцем. Он решил, что навсегда пришел «володеть и княжить» в эти древнерусские места и потому к своей чисто немецкой фамилии прибавил слово «пан». Этому «пану» пришлось сгореть в русской избу.

...Остатки разгромленного гарнизона фашистов откатывались назад. Под вечер 22 февраля они подошли к деревне Красные Горки. Тамшло собрание колхозников. Обсуждался вопрос о снаряжении обоза с продовольствием для осажденного Ленинграда. Началась перестрелка с боевым охранением партизан. Фашисты ок-

ружили партизана Семена Ивановича Засорина. Он был ранен в обе ноги и в руку, лежал недвижимо. К нему подошел каратель. Повернул лицом вверх:
— Готов!

На всякий случай в упор дважды выстрелил в грудь.

На второй день разведчики подобрали безжизненное тело партизана. Медики сделали невозможное: они спасли бойца, имевшего четыре смертельных ранения. Когда он пришел в себя, то прежде всего спросил:

— Что с Павлом Афанасьевичем Васькиным?

— А кто такой?

— Руководитель Волотовской подпольной военно-разведывательной группы.

Так стало известно имя «черного генерала», за которым так долго охотились фашисты.

...Передо мной лежит личное дело коммуниста Павла Афанасьевича Васькина. Биография, как у многих простых советских людей. Он родился в 1913 году в селе Борок Шилковского района Рязанской области. В детстве остался сиротой. Судьба беспризорника забросила его

в Приильменье. Пас скот у кулаксов. Советская власть взяла его в детский дом, привела в школу, затем в институт. Павел Афанасьевич работал в Поддорском районе учителем, затем инструктором райкома комсомола, потом в сберегательной кассе. Он прекрасно знал эти места. И когда началась война, его вызвали в Ленинградский обком партии. Секретарь обкома товарищ Бумагин сказал:

— Думаем поручить вам ответственное и опасное дело.

Павел Васькин ответил:
— Я хочу бить фашистов.
— Вот мы и назначаем вас руководителем подпольной военно-разведывательной организации.

Павел Васькин получил явки и отправился в свой район боевых действий. А вскоре туда пришли фашисты.

Ни Павел Васькин, ни его товарищи по организации не проходили никакой специальной подготовки, не имели никакого опыта подпольной борьбы. Это были советские люди самых мирных профессий. А действовали они против прожженных профессиональных разведчиков, против сильного врага.

Любовь к Родине сделала их умелыми воинами, которые до конца остались верными своему долгу. Волотовская подпольная военно-разведывательная организация в течение сравнительно долгого времени оказывала большую помощь партиза-

нам и командованию Волховского фронта.

В бою с врагом в деревне Красные Горки пал смертью храбрых руководитель волотовского подполья.

ПОДВИГ СТАЛ ИЗВЕСТЕН (Вместо эпилога)

Удирая от наступающей Красной Армии, резидент Мановский и гестаповцы сделали все, чтобы скрыть следы преступлений. Петр Мановский и Бромунд захватили с собой и совершенно секретные списки агентов ГФП. Долгие годы о существовании волотовского подполья никто не знал.

Но в результате настоящих поисков чекистов картина прояснилась. Сначала стало известно, что апрельской ночью 1945 года от Бойценбургской фашистской разведывательно-диверсионной школы отошла крытая машина с неизвестным пассажиром. След ее терялся на улицах горящего Берлина. Потом стало известно имя этого таинственного пассажира — Николай Фролов, бывший полицай, который для «запугивания» выводил на расстрел колхозников Зинанду Тимофеевну Бабину-Васину с детьми. Наконец, нашли и самого таинственного пассажира черной машины: Николай Фролов был заброшен к нам иностранной разведкой...

Он сознался во всем. И тогда стали известны имена героев волотовского подполья. Имя руководителя организации Павла Афанасьевича Васькина ныне носит один из лучших колхозов Новгородчины. Трудящиеся области свято чтят память всех героев военно-разведывательной подпольной организации.

...Над древним новгородским Кремлем плывут светлые облака. По Кремлю бродят туристы, приехавшие сюда со всех концов страны и из-за рубежа. Они дивятся извечной крепости этих стен, любят величественным памятником «Тысячелетие России».

Мой собеседник, прославленный защитник волжской твердыни Яков Федотович Павлов (он тоже из этих мест) прислушивается к словам экскурсовода, говорит:

— Народной любовью и силой крепка наша Родина. Вспомните героев волотовского подполья!..

А. ЕРОХИН.

Москва — Новгород.

Коммунист Павел Афанасьевич ВАСЬКИН — руководитель Волотовской подпольной разведывательной организации.

Коммунист Михаил Тимофеевич ТИХОВ — председатель сельсовета, один из руководителей Волотовской подпольной разведывательной организации.

Татьяна ЕФРЕМОВА — семнадцатилетняя комсомолка, учительница, член Волотовской подпольной разведывательной организации.